

ЛИЧНОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ

Сергей Сергеевич Арутюнов

В детстве я мечтал вырасти и ходить на работу с отцом — он на свою, я на свою, но вместе завтракать, по очереди бриться в узкой ванной, одеваться, покидать дом...

Не вышло.

В том же детстве, я мечтал (уже понимая всю нелепость мечтания) о том, чтобы мой погибший в Будапеште в 1945-м году дед Сократ пришёл в мою школу, как другие деды-ветераны, и рассказал бы нам о войне.

Но приходили на наши «уроки мужества» другие дедушки. И порой рассказывали они о войне так, что лучше бы нам прочли «правдинскую» передовицу: в составе частей, приданных... -той армии принимал участие в форсировании N, занятии NN... с ...надцатого по двенадцатое находился на излечении... в резерве... с маршевой ротой -ого полка ...-ского фронта штурмом овладел NNN, где и окончил войну. Награждён, представлен к...

Они молчали, и мы почти понимали, почему.

«Правду-матку» из них можно было выцарапать, лишь напоив их до сине-белого каления, заставив пить и рыдать, раскачиваясь на кушачем кухонном табурете.

Другой рассказанной войны для нас не было и быть не могло:

нам, последнему поколению окончивших советские школы, она досталась архетипически и аксессуарно причёсанной, как экранизация баклановской «Пяди земли» — бетонированные, в три наката, блиндажи, обшитые тёмсом окопы с сухой притоптанной землёй. В блиндажах — мудрые отцы-командиры, в окопах — усатые старшины, и у всех один и тот же взгляд — богатырей из подчищенных цензорами «Главлита» русских былин.

Богатырей, не нас.

Это «не вы» ранило больше всего. Тем, что уже не влезешь туда и не докажешь даже военруку, что сможешь, что не выдашь, не продашь, что в разведку с тобой не только можно, но и единственно необходимо.

Уже не докажешь, завистливо думали мы. Теперь-то что? Учения стран Варшавского договора — раз в два года. Случаи на границе.

Это было время Победы, диалектически перетёкшей с бранных полей на поля трудовые. Ветераны (уже не «фронтовики», как в горячке первых мирных лет) смыкались кепочной седушостью с передовиками производства, «сельскими тружениками», и вся эта армада дедушек в упор, откровенно скептически взирала на моё вполне извинительное тогда мальчишеское разгильдяйство, разумно предвидя, что я окажусь трусом и предателем всего, что они защитили.

Так и вышло.

Как только перекрасилась предавшая всё и вся носовёртка наша власть, почуявшая новые рынки политического капитала, как только вновь затрепетала на аппликационных стягах наших «СВОБОДА», я предал, *отдался новым ветрам*, то есть повеял во всю эту чепуху, которую тогда бубнили по зомбящику — мол, теперь-то настоящий день настал, и каждый теперь НА ДЕЛЕ докажет, чего стоит.

Доказали...

Только законченному недоумку надо сегодня объяснять, что территории мы (граждане бывшего СССР) потеряли взаимно, они (республики) — нас, мы — их, хотя, казалось бы, езжай не хочу, пей, гуляй... Распались, как писали когда-то, «хозяйственные цепочки». Никогда больше не будет шить армейскую форму для всех НАС армянский завод, никогда не посмотрит россиянин с гордостью на огромный «БЕЛАЗ».

Уже не наше.

С демографией и того понятнее.

Доходы — сравните покупательную способность пенсий и пособий ТОГДА и СЕЙЧАС. По мясу, молоку, хлебу.

В створе личных домохозяйств апокалипсис произошёл давным-давно. Советская семья, изо всех сил сбиваемая парткомами и месткомами в смысловой ком, опору государства, опиралась на нескладную, но вызывающую опаску фигуру Отца. Это он, по-воскресному облачённый в майку и тренировочные штаны с проклятыми демократической прессой «пузырями на коленях», прилаживал к балкону скворечник, подстукивал молотком в гараже, вёл всех на лыжную прогулку в лесопарк, похрипывал от восторга, глядя, как растут ЕГО дети.

Он же — пил, старея, надсаживался за доминошными столами во дворе, укладывался на профилактики в больницы и шествовал, наконец, в простом гробу в последний путь, вплоть до гранитной каменюки, на которой стараниями гравёра красовался его профкомовский образ — с огромным узлом немодного галстука, задранном воротником накрахмаленной сорочки, едва уловимым укором остающимся... и торжеством жизни.

Мать... чаще всего крикливая, оборотистая, по молодости стройная и «бойкая», панцирная сетка семьи, если уж отец — ноги этой кровати.

Дети — подушка и покрывало.

Так жили, бедовали, надеялись — МЫ.

Чему учат теперь? Одиночеству.

Промысловому бытию посреди чужих. Чужедальному отшельничеству в самом себе по образцу западных семей, с малолетства изгоняющих своих отпрысков зарабатывать себе судьбу в людях, доказывать миру свою эффективность или загнуться от наркоты в каком-нибудь социальном сквоте.

Ничего более омерзительного реформы в русскую жизнь не привнесли, и это уже потери не территориальные, демографические, а социально-психологические. То есть те самые предпосылки потерь видимых, «ошибки учителей, врачей», как именовались они в одной доброй картине-сказке об интеллигенции.

Ошибки... или предательства.

Кто теперь мужчина? Жлоб.

Кто женщина? Рыночная личинка, грозящая обратиться в «ночную бабочку» гламура.

Кто ребёнок? Заготовка под первых двух.

Кто старик? Подземный житель Ада, обуза трудящихся, протестный электорат наива и скудоумия. Нахлебник. Мировое Зло.

Кто сделал из нас этих чудовищ? Кто взорвал наше северное, скудное бытие этими бреднями, заставил проклинать самих себя?

Взрыв «самосознания» случился именно тогда, когда мы перестали дышать Победой, а начали — Поражением.

Оказалось, МЫ — ничтожества, мразь, «совки». Дети и внуки палачей Европы, воздвигшие себе ТИРАНА, который ЧУТЬ БЫЛО ВСЁ НЕ ПОГУБИЛ.

Мы выбрали сами — Его, себя, нынешние корчи пространства и времени.

Век миновал, и судят теперь дракона — нашего. Он избран драконизированным цивилизованным миром Главным, и основной информационный повод к тому подают те, кого он не пощадил, те самые, нарвавшиеся сперва на партийные чистки, потом на дела врачей и космополитов.

Он грозен и двулик для бывших НАС до сих пор. И чем двуличнее и не объяснимее никакой логикой становятся от проходящего времени его дела, тем кошмарнее и дальше он от нас, не постигающих смысла его забот — строек и кровопусканий. Или не было никакого смысла? Сохранил и приумножил... но сколько оказалось разрушено навсегда. Стоило ли оно того? Что он клал на весы и имел ли право — клась? Но не мы ли дали ему в руки эти весы, призвав решать за всех нас?

Всё так... Но почему тогда так недостижимо прекрасны здания его поры? Почему они — зовут стать безупречным, вознестись над землёй, а современные четырёхгранные башенки «под Русь» — никуда не зовут? Или именно эти здания — выражение сатанинской мечты о Победе смертного человека над Богом? И почему эта мечта — сатанинская, а остальные нет?

Он убивал как никто.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ИММУНИТЕТ

Он сокрушал и повелевал.

Он скончался так, что страну чуть не разорвало от плача.

Дети ли мы ему? Внуки?

Он наш дракон. Мёртвый. Посеявший в нас страх. Он наш ужас, наша боль.

Главное в нашем поражении то, что свет Победы оказался слишком резким для наших глаз. МЫ никогда не верили в себя, в свою суть быть спасителями Европы от Чингисхана, Наполеона, Гитлера, хотя часто и истово повторяли мантру про Третий Рим.

Но не наша суть.

И в этом его поражение.

А наше — в нас.

И главное в нашем поражении то, что свет Победы оказался слишком резким для наших глаз. МЫ никогда не верили в себя, в свою суть быть спасителями Европы от Чингисхана, Наполеона, Гитлера, хотя часто и истово повторяли мантру про Третий Рим.

Драма неверия в себя протянулась сквозь всю НАШУ историю — в ней схлестнулись в братоубийстве факт и представление. И даже наш дракон не разрешил его, но усугубил, дав повод ещё раз поужасаться нашей искажённой природе.

В сегодняшнем акте драмы — смена социопсихологического и идеологического шаблона. Пробный шар закатывает в наши ворота Подрабинек.

Он прав — та страна не эта. Здесь нам не тут.

Он прав — мы настолько вывернулись наизнанку, что не можем больше

уважать тех, кого уважали: мы уже тысячу раз доказали себе и им, что мы страна предателей самих себя. Значит, и почитать должны отныне тех предателей, которые начали предавать её до нас.

Мы больше не страна Великой Жертвы, которую почему-то, по какому-то дикому выверту обстоятельств обязаны поколение за поколение приносить на алтарь Мировой Истории.

Мы — «нормальная рыночная страна» с узкими и понятными национальными и геополитическими интересами — уцелеть на рынке, выстоять в конкурентной борьбе с мировыми производителями колониального товара. Никакой иррациональности — панславизма, интернациональных долгов. На них мы горели не единожды.

Мы больше не страна Великой Жертвы, которую почему-то, по какому-то дикому выверту обстоятельств обязаны поколение за поколение приносить на алтарь Мировой Истории.

Мы пыхтя встраиваем себя в мировой контекст и обнаруживаем в зеркале жирок, отложения солей — коррупцию, воровство, и, невольно стыдясь, делаем их такой же неотъемлемой частью национальной культуры, как пьянство, ленность, глуповатое ухарство, нелюбопытство, душевная чёрствость.

Но после очередной дорогостоящей «пластики» (о, мечты реформаторов!) мы вдруг — наконец-то! — нормальны. Не победители. Мужички. Сиволапое племя бесталанных заимствователей лучших изобретений мировой цивилизации. Сырьевой придаток планеты.

Довольны ли мы собой?

Дальше некуда.

Предел мечтаний.

Мир уходит от религиозной мистики, героики — всего, что мешает строить «здоровые» конкурентные отношения, гиперболизирует простые и понятные вещи до неузнаваемости. Конечно, в центре такого мира может оставаться Миф о Белом Человеке, побеждающем варваров, но даже это уже рудимент, если иметь в виду истощающиеся ресурсы, которые надо брать в Третьем Мире.

И нам пора взрослеть. Пора видеть христианство в ежедневном офисном рабстве на благо родимой корпорации, а не в миллионных жертвах, мистериях проклятого прошлого. Нужно быть гуманистами, разумными государственниками, понимающими, где мажут на хлеб масло, а где дерьмо... но слиплись глаза. Болят от света.

Горьки плоды рыночной риторики: следуя парадигме Поражения, «возвращающей» нас в цивилизованный мир, благодушно кидающий нам замурзанную подстилку в конуру, мы уже двадцать лет бредём по зловонной пустыне без единого родника. Мы пьём чужую воду, продаём остатки своей. Мы товар.

Человек, который должен был встать во главе нашего представления о себе, вновь оттеснён корпорациями, их бесконечными консенсусами между собой, рыночно-мафиозной структурой общества, пришедшей на смену патриархально-тоталитарной и, заметьте себе, производственно-промышленной.

За что же именно мы платим так дорого?

Мы платим за неверие в то, что можем быть самими собой, совпасть с тем, что думаем о себе, и тем, что думают о нас другие. Эти иллюзии — страшный и блаженный сон, из которого мы не можем вырваться в течение столетий. Но сон, в который проваливаешься во сне, ещё ужаснее.

Мы предали братство, в котором не на шутку дрались со своими братьями.

Сила освобождённого раздора такова, что никто бы сегодня не пришёл на помощь брату, земля которого сотряслась и уничтожила дома, больницы, школы.

Ни одна из освободившихся из-под имперской власти России страна СНГ не испытала за годы свободы ни малейшего экономического подъёма, несмотря ни на какие «выгодные зарубежные контракты». Нам не дают и не дадут подняться никогда, потому что в «рынке» нет братьев ни кровных, ни молочных, ни сводных — все конкуренты, наследники единственного престола.

Миф Белого Человека говорит — убей, если на кону царство. Полцарства — русская, ущербная версия Победы. Полцарства — то, что имели мы за коня мечты о мировой гармонии.

Мы были так нужны друг другу на краю конкурентного мира, что предать оказалось легче, чем нести на себе бремя вечной любви.

Сверху донизу НАС прошивала одна суть — Победа. Но так же, как с «союзниками», она разорвала нас на куски. Видевшийся сошедшим с ума от свободы республиканским партийным лидерам спасительным национализм (якобы разумное понимание национальных нужд) имел одну философскую основу — себялюбие. Ему нас научил рынок.

Именно себялюбие (цивилизационно-прагматизм), отрицающее всякую героику, альтруизм, «мессианство», плесенью разросшееся в душах разочарование местечковостью себялюбия как национальной идеи является истинной причиной невиданной социальной апатии в России и СНГ, пробудить от которой может только великое бедствие. Оно заставит нас плакать НАД ОДНИМ И ТЕМ ЖЕ, но нужна ли нам такая жертва?

Без НАШЕЙ (по Кадочникову-разведчику) Победы, об руку с Поражением мы стали бесправнее перед лицом государства, отказавшегося от нас, заимев всего одно нерушимое право — презирать его за это предательство.

Оно предало нас в том, что измеряет нас не по прихотливым патриархальным шкалам «свой-чужой», а по тому, сколько и каких товаров мы можем приобрести у корпораций, помыкающих государством. Если мы проходим этот идиотский тест на состоятельность, то вправе рассчитывать на благосклонность даже судебной системы. Большого Вора никогда не посадят на долго и далеко, потому что его талант — воровство. Главный талант Новой России.

Но Маленький Вор будет сидеть вечно. Так государство будет мстить ему за его бездарность. «Мы думали, ты нас продашь Аргентине, а ты украл курицу, ничтожество» — говорится Маленькому Вору. Большой ухмыляется.

Ни одна из освободившихся из-под имперской власти России стран СНГ не испытала за годы свободы ни малейшего экономического подъёма, несмотря ни на какие «выгодные зарубежные контракты». Нам не дают и не дадут подняться никогда, потому что в «рынке» нет братьев ни кровных, ни молочных, ни сводных – все конкуренты, наследники единственного престола.

Без Победы мы утратили тоталитарно-патриархальную цену нашей жизни, отличимую от холопской размерами придаваемой ей риторической значимости, но обрели цену либерально-рыночную, упорно стремящуюся к нулю, если туда же стремятся наши доходы.

Следит ли за нами с небес Господь?

Какое у него при этом выражение лица?

Предвидит ли он наше разочарование тем, что судить нас он будет не в зависимости от того, сколько мы украли или заработали, что сегодня почти одно и то же?

Наше сокровище, с которым нас призывают не расставаться ни за что, — «свобода».

От государства — в первую очередь. Никто никому ничего не должен.

От жизни — во-вторых. Никто ни у кого ничего не требует, никто никого не заставляет ничего делать.

В-третьих — от себя самих. Никто ни для кого ничего сверхъестественного не значит. Иди куда хочешь, делай что хочешь. Не мешай. Займись делом. Обогащайся, как можешь. Не торгуй опасными предметами. Не скрывай от государства и бандитов своих доходов.

Ты свободен.

Ты можешь говорить. Там, где говорение дорого, плати: это территория корпоративного государства. Там, где говорение бесплатно, тебя никто не услышит.

Бесплатное неэффективно.

Чего ещё нужно, чтобы построить себя с нуля?

А кто вам сказал, что я — ноль?

Кризис доверия к себе — тысячелетняя болезнь неуверенной в себе страны, исправно выполнявшей свой воинский и человеческий долг перед цивилизованным миром. Да, мы — рефлектирующий на темы придатков придаток, но разве только сырьевой?

Левшицким умом стремились мы разъять сущность пляшущей евроблохи, погнавшей на нас свои полчища в тот самый момент, когда мы распробовали сладкий вкус промышленного изобилия.

Но не война обрушила наши заводы и фабрики: почти все они были восстановлены

(вот уж — с нуля) через пять-семь лет после Победы.

Наши заводы и фабрики обрушились под тяжестью наших дум о том, нужны ли они вообще. Если не брат тебе киргиз и украинец, эстонец и таджик, зачем впустую гнать от них составы с комплектующими? К чему суетиться, если впереди — «выгодные», куда уж выгоднее, контракты с мировыми промышленными гигантами, которые, чуть стало можно, закрыли перед нами все двери, поставили в положение конвейерных служек, собирающих второсортное барахло по третьесортной лицензии?

Кто сотворил это с нами?

Мы.

Мы цеплялись за самую чудовищную ложь из возможных, потому что именно чудовищная ложь каким-то невероятным диалектическим скачком казалась нам самой правдоподобной.

Здесь видится просчёт культурологический: тёмный придурок скорее поверит в ересь, чем в постулаты мировой религии, потому что мировая религия кажется ему недостаточно человеческой, обыденной, требующей непомерных жертв, самоограничений на пути к истине.

Ложь царизма была чудовищна тем же, чем ложь большевизма или рыночного либерализма: она не решила проблем нашего братства, нашей уверенности в том, что мы заслуживаем быть чьими-то братьями. Что в нас есть, за что любить и почитать, несмотря ни на какие жертвы, принесённые нами алтарю любви.

Что ж, ринуться ли теперь скопом к нанотехнологическим парадизам, в который раз не понимая, зачем они нужны нашей всё ещё общей изболевшейся душе, спасут или погубят, и ради кого в который раз нужна нам эта рыночная технократия?

Неужели снова потребуются от нас новые жертвы, когда не оплаканы ещё старые, и в полях лежат кости безымянных солдат, могилы которым мы поленились вырыть?

Двадцатый век стегал нас по спинам, изуродовав наши семьи страхом на пару поколений вперёд. Нас пугали рабством и пугали свободой, а разницы между ними не оказалось.

Нас обманывали тем, как мы обманывали себя.

Нас обокрали на наших дедов и бабок, наших отцов и матерей, в конечном счёте — на нас самих.

Может, Победа стала для нас Поражением именно потому, что не мы победили в той войне, и мы всю жизнь завидовали тем, кто с юности и навсегда выкупил себе право не сомневаться в смысле жизни, и, раздосадованные, мы мстили нашим старикам в бесконечных очередях, крича на их красные ветеранские книжицы как на свою изъязвленную сомнениями совесть.

Да?

Тогда прав Подрабинек, и это действительно не наша война, и мы страна предателей. Для выкупа своих законных исторических прав надо ли создать нового Гитлера и одолеть его, лечь в полях навечно, без надежды на другую землю, выжившим — испытать презрение потомков, и безвестность, гасимые по городам и весям из-за недостатка газа вечные огни, и тем, наконец, спастись?

Новый Гитлер — наша неспособность простить себе Поражение. Мы только капитулировали, унижились, имея высшее право — побеждать. Но жить в мире с самим собой можно, только побеждая самого себя. Таков мужской смысл наций, умеющих воевать и жертвовать.

Победа даёт силы мечтать, уводит за горизонт, и след нации, ушедшей за горизонт,

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ИММУНИТЕТ

кровав, потому что без дымной крови в нашем мире не исполняется ничего.

Следует либо быть по-настоящему, либо не быть вовсе. На кровь, на жертву должны согласиться или все, до последнего человека, или никто. В угаре общего труда мы ещё способны построить новые башни и пирамиды, но сил, кажется, остаётся мало, потому что веры в то, что пирамиды приблизят нас к Богу, нет совсем. И уж совсем не верится в то, что возможна хоть какая-то другая Победа, кроме той, что была.

Выбор наш — или благодарить за свободно избранные муки, или за тихое, убивающее из года в год придонное бытие.

Поражение души мечты, давая взамен свободу быть ничем. Да, сегодня она у нас есть, но достаточно ли нам её? Тянет ли нас в будущее такое топливо?

Может, Победа стала для нас Поражением именно потому, что не мы победили в той войне, и мы всю жизнь завидовали тем, кто с юности и навсегда выкупил себе право не сомневаться в смысле жизни, и, раздосадованные, мы мстили нашим старикам в бесконечных очередях, крича на их красные ветеранские книжицы как на свою изъязвленную сомнениями совесть.

Нет.

И этот новый Гитлер должен быть раздавлен и смят в нас точно также, как старый.

Когда-нибудь, победив его, вы будете, наверно, легко и беззаботно смеяться.

Но не над этим. **НО**